

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ:
СИСТЕМНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных трудов
IX Международной научной конференции

Брест, 22–23 ноября 2019 года

В двух частях

Часть 1

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2020

УДК 811.16(082)

ББК 80я43

С 47

*Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»*

Редакционная коллегия:

О. Б. Переход, О. А. Фелькина

Под общей редакцией

заведующего кафедрой общего и русского языкознания
кандидата филологических наук, доцента **О. Б. Переход**

Рецензенты:

заведующий кафедрой белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат филологических наук, доцент **Н. Н. Борсук**

декан филологического факультета
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат филологических наук, доцент **Т. В. Сенькевич**

С 47 **Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования** : сб. науч. тр. IX Междунар. науч. конф., Брест, 22–23 нояб. 2019 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Б. Переход, О. А. Фелькина ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2020. – Ч. 2. – 180 с.

ISBN 978-985-22-0118-6 (ч. 2).

ISBN 978-985-22-0116-2.

В сборник вошли материалы докладов IX Международной научной конференции (22–23 ноября 2019 г.), посвященной изучению славянских языков в синхроническом, диахроническом, сопоставительном и социокультурном аспектах. Статьи представлены на русском, белорусском, украинском языках.

Адресуется широкому кругу славистов – научным работникам, преподавателям, аспирантам, учителям, студентам филологических специальностей.

УДК 811.16(082)

ББК 80я43

ISBN 978-985-22-0118-6 (ч. 2)

ISBN 978-985-22-0116-2

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2020

определялось исторически сформированным негативным восприятием позднепротестантских движений в результате российской конфессиональной политики.

Список использованной литературы

1. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1443.
2. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1413. – S. 50–52.
3. Лисовская, Т. В. Религиозная политика польских властей по отношению к протестантским организациям на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. / Т. В. Лисовская // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманітар. і грамад. навук. – 2004. – № 1. – С. 52–61.
4. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1441.
5. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 1442.
6. ГАБр. – Ф. 2059. Оп. 1. Д. 81.
7. ГАБр – Ф. 1. Оп. 2. Д. 2309.
8. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. Referat wyznań ewangelickich. – Sygn. 385.
9. ГАБр – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2313.

Т. М. Лянцевич (г. Брест, Республика Беларусь)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

Роман Е. Г. Водолазкина «Лавр» был опубликован в 2012 г., но и в настоящее время остается тем ярким литературным событием, которое вызывает интерес и у филологов-профессионалов, и у обычных читателей. Неисторический роман «Лавр» является художественным воплощением профессиональных научных интересов автора: доктор филологических наук Е. Г. Водолазкин в научных кругах известен как специалист в области древнерусской литературы. Характеризуя жанровую отнесенность романа, многие критики условно определяют его как роман-житие или как стилизацию под житие. Однако в основе жития, призванного «стать биографией духовных и светских лиц, канонизированных христианской Церковью, ... лежала биография героя, чаще всего исторического лица, известного самому автору лично или по рассказам его современников» [1]. Но «житие не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в Житии не портрет, а икона» [1]. Житие «обращено, собственно, не к слушателю или читателю, а к молящемуся... Оно описывает индивидуальную личность, личную жизнь, но эта случайность

ценится не сама по себе, не как одно из многообразных проявлений человеческой природы, а лишь как воплощение вечного идеала» [1]. «Лавр» же обращен именно к читателю и дает современному человеку уникальную возможность увидеть мир глазами праведника, прожить его жизнь с падениями и взлетами, что называется, изнутри, пройти вместе с главным героем его духовный путь, проникнуться мироощущением средневекового человека, которому чужда хорошо знакомая современному обществу формальная псевдорелигиозность, который всегда живет в постоянном Божьем присутствии, что и определяет вектор всех поступков героев романа: и наделенного даром целительства врача-травника Арсения / Устина / Ам-вросия / в монашестве Лавра; и его деда Христофора, обучившего внука искусству врачевания; и старцев Кирилло-Белозерского монастыря, настоятельницы и сестер Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря, и юродивых Фомы и Карпа, и всех страждущих больных.

Читатель попадает в реалии эпохи Древней Руси, перемещается в пространство и время XV в., однако именно языковая ткань текста, особый стиль этого произведения через искусное соединение живого древнерусского языка с современным русским поднимает нас над временем. Лингвостилистические особенности романа обусловлены глубинным смыслом художественного текста, его идейно-тематической основой. Повествование о трагической личной любви талантливого целителя, не сумевшего спасти свою тайную невенчанную жену Устину при родах, перерастает в духовный и философский роман о любви истинной, о самоотречении, в роман «не о Средневековье... даже не о современнике. Он о “вневременнике”. О человеке, который один и тот же, хорошо это или плохо, и в Средневековье, и сейчас, со своими проблемами, любовью, завистью, ненавистью» (Е. Водолазкин) [2].

Концепция единства временного и вечного в романе реализуется не только через «провокационные» анахроничные детали, часто вызывающие недоумение у читателей (*Из-под снега полезла вся лесная неопрятность – прошлогодние листья, потерявшие цвет обрывки тряпок и потускневшие пластиковые бутылки* [3]), но и через такой важный прием в создании образа, как речевая характеристика, или речевой портрет, персонажа.

Речевая характеристика (речевой портрет) – это подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей. В одних случаях для этой цели используются слова и синтаксические конструкции книжной речи, в других средством речевой характеристики служат просторечная лексика и необработанный синтаксис и т. д., а также излюбленные “словечки” и обороты речи, пристрастие к которым характеризует литературный персонаж с той или иной стороны (общекультурной, социальной,

профессиональной и т. п.)» [4]. Различные уровни речевого портрета (фоносемантический, лексический, синтаксический и др.) исследовались такими учеными-лингвистами, как М. В. Панов, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, Е. А. Земская, в структуре художественного текста – М. Н. Пановой, Л. К. Чурилиной, Е. А. Гончаровой, Е. А. Ивановой, Ю. Н. Кургановым, М. В. Пьяновой и др.

Речь персонажей передается в художественном тексте способами прямой, косвенной, несобственно-прямой речи и их смешанными формами. Под прямой речью в художественном произведении понимается «передача письменных или устных слов одного из персонажей в их буквальном виде, с сохранением всех языковых особенностей его речи, а также эмоциональных оттенков выражения» [5, с. 98]. Следует отметить, что в романе «Лавр» автор использует ненормативные варианты оформления прямой речи и диалогических единств, а именно без знака тире, что создает иллюзию общения между героями на совершенно ином, ментальном уровне: *Фома сказал: Отдавая себя Устине, ты, я знаю, изнуряешь свое тело, но отказ от тела – это еще не все. Как раз это, друг мой, и может привести к гордыне. / Что же я могу еще сделать, подумал Арсений. / Сделай больше, **прошептал** ему в самое ухо Фома* [3].

Рассмотрим лингвостилистические особенности речевой характеристики двух ключевых персонажей романа – Арсения и юродивого Фомы.

Речь необычного пытливого одаренного ребенка, только одно присутствие которого облегчало непростую жизнь людей, состояла из обращенных к его самому первому учителю – деду Христофору – вопросов об устройстве мира, вселенной, о жизни и смерти, об искусстве врачевания: *Велики ли светила, спросил мальчик* [пункт. авт.]; *Что такое душа; Если живой делает душа, значит, она есть и у животных? Что судится телеси человеческому? Устами Христофора автор так характеризует Арсения-мальчика: Дед Христофор наблюдал, как таинственные токи иконы перетекают в руки Арсения. Однажды он сделал следующую запись: у ребенка какая-то особая сосредоточенность. Его будущее представляется мне выдающимся, но я просматриваю его с трудом* [3].

Вся взрослая сознательная жизнь Арсения – это диалог, диалог с Богом, с миром Высшим, с душами умерших, с природой, а главное, с любимой, с Устиной, диалог необычный, односторонний, безответный или включающий ответ имплицитный, слышимый только главным героем. И одна из самых характерных синтаксических единиц речевого портрета главного героя – это обращение, а также вводные слова со значением ‘призыв с целью привлечения внимания к сообщению’ (*знаешь, видишь, понимаешь*), вопросительные по цели высказывания предложения: *Ты же видишь, любовь моя, что происходит. Я не говорил с тобой, любовь моя,*

несколько месяцев, и у меня нет оправдания. Вместо того чтобы искупать мой страшный грех, я вязну в нем все более. Как могу, моя бедная девочка, отмолить тебя у Господа, когда сам погружаюсь в пучину? [3].

Речь Арсения-врача очень редко включает медицинские и анатомические термины (*сердце, позвоночник, моровая язва, живот, сердечная жила* и т. д.), а в целом проста, лаконична, умиротворяющая, целительна, ведь «*в процессе лечения существенную роль играло слово. Слово как таковое – что бы оно ни означало. Ввиду ограниченного набора медикаментов роль слова в Средневековье была значительнее, чем сейчас*». При этом говорил Арсений очень мало, так как всегда он «*помнил слова Арсения Великого: много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда. Чаще всего он безмолвно смотрел на больного. Мог сказать лишь: тело твое тебе еще послужит. Или: тело твое пришло в негодность, готовься его оставить; знай, что оболочка сия несовершенна*» [3].

В речи Арсения постоянно сочетается древнерусский и современный русский языки. Причем переход от одной языковой стихии к другой, как нам кажется, не является случайным, а становится стилистическим маркером единения мира земного и надземного, временного и вечного, граница между которыми проходит в душе праведника, духовно возросшего до способности эти два мира в себе объединить и, будучи здесь и сейчас, жить в вечности. Так, используя славянизмы, Арсений общается со своими современниками: и с простыми людьми, которые встречаются на его пути (с больными, путниками, разбойниками), и с сильными мира сего – с князем, его семьей, воеводой, с некоторыми духовными лицами. Но с людьми, близкими по духу, которым так же, как и ему, открылась вечность, кто соединяет в себе знания о мире земном и неземном (со старцами, с юродивыми Фомой и Карпом, с итальянцем Амброджио, с дедом Христофором), а также с теми, кто пребывает уже в вечности (с Устиной, Ангелом, душами умерших), Арсений говорит на современном русском языке, на языке будущего, понятном нам, живущим через века: *Княгини и дочери ея коснуса моровая язва. Велика слава твоя, Арсение, в земли белозерстей. Яви же хытрость врачевную, да почтен будеши от князя. – Токмо от Спаса нашего Иисуса Христа мзды жду, ответил Арсений, и что ми есть в почитании князем? – Отвернувшись в сторону, он сказал Устине: – Посмотрю, любовь моя, что я смогу сделать для этих людей. Оттого, что они принадлежат к княжескому роду, болезнь не становится легче. Тяжелее, правда, тоже* [3]. Таким образом, через речевую характеристику героя осуществляется связь времен – прошлого и будущего – и пространства, видимого и невидимого, земного и небесного.

Очень интересно в романе показан и противоречивый образ юродивого Фомы. Большинству из нас, живущих в XXI в., юродство как «необычный феномен духовной культуры Древней Руси» [6] кажется малопонятным. Синонимами субстантива «юродивый» в современном русском языке являются слова *аскет, безрассудный, безумный, блаженный, Божий человек, Христов человек*. Юродивый – «это человек, который добровольно избирает путь сокрытия своих способностей, притворяется лишенным добродетелей и обличает мир в отсутствие этих самых добродетелей» (Андрей Виноградов) [7]. Юродивые «в истории русской церкви именовались святыми. Если производить слово “святой” от греческих слов, то оно означает такого человека, который живет жизнью не земною, а небесною, т. е. который не привязывается ни к чему земному, порочному, а всем существом своим постоянно стремится от земли к Богу» [6]. Юродивый Фома наделен даром прозорливости, читает мысли Арсения и понимает его без слов на этапе молчаливности и юродства (часть «Книга отречения»), поясняет непонятные на первый взгляд поступки главного героя жителям Завеличья: *Я выполнил твою просьбу относительно Прохора. Если я правильно **понял тебя через реку**, ты не хотел, чтобы власти его наказывали. / Я просто о нем молился, сказал Арсений Устине. Просил: Господи, не постави ему в грех сего, не ведает бо, что творит. Молись о нем и ты, любовь моя. / Юродивый Фома кивнул: Насчет твоей молитвы завеличские уже в курсе, я им говорил* [3].

В речи Фомы представлена вся палитра разностилья, отражающего его парадоксальную манеру поведения: Фома может ударить человека, прогоняет на другую половину города юродивого Карпа, бранит горожан и тут же их вразумляет, прорицает. В его высказываниях, размышлениях и поучениях самым причудливым образом соединяются элементы древнерусской речи, в том числе церковнославянизмы (*Но знаешь ли ты, друже, что...; Аще же ты zde единожды обрящу, сокрушу без милости твои члены. Яко исчезает дым, исчезнеши*), книжные слова и обороты (*душевно рад, **коллега**, что ты не принял сего **безотрадного образа; профессия**, ознакомлю со следующими фактами; прибегну к парадоксу; мне нужна твоя **консультация**; медицина бессильна* и др.), жаргонизмы и бранные слова (*линяйте отсюда, рыло, морда, вертихвостки, сраный венник, сей фрукт* (в отношении человека), *засранцы, сукины дети* и т. д.), инвективы и их эвфемистические эквиваленты (*твою дивизию, ё-моё*), устойчивые обороты с разговорной стилистической окраской (*Явился не запылится!; Как пить дать...*), свойственные современному русскому языку. Такое языковое «хулиганство» объяснимо в поведении человека-прорицателя, только принявшего вид безумца и обличающего пороки человеческие.

Итак, постоянное взаимодействие элементов древнерусской и современной русской языковой системы создает неповторимый стиль романа. А языковое оформление речевых портретов героев не только способствует реализации характеризующей, экспрессивной, информативной, модальной функций данного художественного приема создания образа, но и является средством выражения глубинного смысла всего произведения.

Список использованной литературы

5. Яковлева, А. Житие как жанр древнерусской литературы [Электронный ресурс] / А. Яковлева. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/119869.html>. – Дата доступа: 24.10.2019.

2. Водолазкин, Е. Евгений Водолазкин: человек в центре литературы. О «Лавре», олимпийском факеле и демократии [Электронный ресурс] / Е. Водолазкин, К. Лученко // «Православие и Мир», 29.01.2014. – Режим доступа: <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=18291>. – Дата доступа: 01.10.2019.

3. Водолазкин, Е. Лавр : роман [Электронный ресурс] / Е. Водолазкин. – М. : Астрель, 2012. – 440 с. – Режим доступа: <http://www.flibusta.is/b/310583>. – Дата доступа: 02.09.2019.

4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/>. – Дата доступа: 01.11.2019.

5. Домашнев, А. И. Интерпретация художественного текста / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. – М. : Просвещение, 1989. – 208 с.

6. Тетерина, Е. А. Юродство как феномен русской духовной культуры [Электронный ресурс] / Е. А. Тетерина. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurodstvo-kak-fenomen-russkoj-duhovnoy-kultury>. – Дата доступа: 02.11.2019.

2. Ребров, Д. Юродивые: святые дураки [Электронный ресурс] / Д. Ребров. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/svyatyje-duraki/>. – Дата доступа: 30.10.2019.

3. П. Мельнікава (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

КАНКРЭТНА-ГІСТАРЫЧНАЯ І МАРАЛЬНА-ФІЛАСОФСКАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА А ПОВЕСЦІ В. БЫКАВА “ПАКАХАЙ МЯНЕ, САЛДАЦК”

В. Быкаў валодаў талентам і годнасцю пісьменніка-мыслера і незалежна ад афіцыйнай ідэалагічнай зададзенасці часу вырашаў уласныя творчыя задачы. Сілай свайго таленту ён змагаўся са злом у розных яго выявах і абліччах. Сёння асабліва высока цэніцца мужны быкаўскі рэалізм, заостраная пастаноўка філасофска-экзістэнцыйных праблем маральнага выбару чалавека, канцэптэуальнасць мастацкага даследавання паводзін героя, паралізаванага страхам. Пісьменнік асэнсоўваў ролю выпадку як быцыйнай заканамернасці ў лёсе чалавека. Аб'ектыўнасць, маральнасць